

**НАСЛЕДИЕ БИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ В МАКРОСТРУКТУРЕ
СОВРЕМЕННОГО МИРА**

DOI: 10.25629/НС.2021.11.03

Сетов Р.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Аннотация. Один из важнейших вопросов, который стоит в центре научной и политической полемики уже более 20 лет, состоит в том, чтобы определить природу современной модели системы международных отношений и дать ей более или менее признанный дефиниций с точки зрения структурной организации. Что это – «многополярность», «гегемоническая стабильность» или все же что-то иное? Второй стороной этой же проблемы является определение того, насколько эта уже сложившаяся модель прочна, устойчива или, напротив, в недалеком будущем она может оказаться неравновесной и неустойчивой. Некоторые принципиальные характеристики современного миропорядка сегодня воспринимаются едва ли не как естественные характеристики положения дел в мире. Необычность качеств состояния системы международных отношений в историческом смысле как-то отошла на задний план в современных международно-политических дискуссиях. А между тем именно в сравнительно-историческом ключе наиболее актуально и интересно рассматривать миропорядок начала XXI века и возможные пути его трансформации. Оценить соотношение новаций и преемственности в этом миропорядке можно путем сравнения с содержанием предшествовавшей системной модели. На таком историческом фоне более отчетливо станет выглядеть и комплекс вопросов о месте нашей страны в динамичном мире нового века. В этой связи уместно поставить проблему олигополии как структуры системной модели.

Ключевые слова: международные отношения, структура, система, модель, олигополия, функциональное ядро.

Сюжеты, связанные с определением степени прочности, устойчивости или, напротив, неравновесности и неустойчивости современной системы международных отношений, являются предметом полемики уже довольно давно. Комплекс процессов, связанных с крушением биполярного миропорядка и с распадом СССР, привел к кардинальным переменам в мире. Итоги этих перемен, как известно, называли не только окончанием «холодной войны», но и «концом истории». С. Хантингтон предрекал далее «столкновение цивилизаций». Сегодня в оценках миропорядка преобладающим выглядит общий подход с точки зрения выделения структурных уровней, взаимодействующих регионов или же «полюсов», «центров силы» в современном мире. Понятия о «гибкой монополярности», «униполярности» и «гегемонической стабильности» существуют как версии определения мироустройства, главной характеристикой которого выступает доминирование США. Известное распространение получили и представления о «полутораполярности» миропорядка или о существовании комбинации «1+4» (США как сверхдержава, разделяющая верхний уровень международно-политической иерархии с Европейским Союзом, Японией, Китаем и Россией) [1, 466]. Помимо «структурно-полярного» подхода существуют предложения рассматривать современный мир как находящийся в движении к «неклассической», «нестационарной модели международных отношений» [2, 7–25]. С рубежа 1990-х годов распространены представления о «глобальном беспорядке» [3, 455] или неустойчивом сочетании «порядка и хаоса» [4, 16]. Время от времени в публицистике и научной литературе привлекают внимание концепции «панполярного мира» (С. Лурье) [5, 32] или «геополитической пирамиды» и возможного «полиполя» (Вл. Ф. Ли) [6,

115]. Не раз звучали заявления о том, что мир переживает и «тектонический сдвиг» в системе международных отношений, и «геополитическую революцию, и «тихий катаклизм» планетарного масштаба.

Адепты постмодернизма объявляли о том, что 11 сентября 2001 года является «водоразделом геополитических эпох», а непосредственные последствия этих событий – «глобальной геополитической революцией». Содержание этой революции было в том, что «впервые за последнее тысячелетие евроатлантическое пространство перестало находиться в центре глобальных стратегических разломов» и «новый мир рождается на наших глазах в противоборстве трех исторических тенденций: модернизации, постмодернизации и демодернизации (неоархеизации), каждая из которых содержит свой образ миропорядка...» [7, 3-4]. Прокламация очередной «геополитической революции» в связи с якобы уже имеющим место становлением «многополярного мира» («факт, который изменить никому не дано», как выразился К. Брутенц) прозвучало в публицистике и в части научной литературы во втором десятилетии нового века [8, 160]. Так или иначе, вопрос о гносеологически цельной и понятной картине современного мира остается пока открытым. Это дает возможность рассмотреть состояние системы с позиций оценки своеобразного «наследия» биполярной эпохи. Речь идет о важных структурных характеристиках и качествах, внешняя простота и самоочевидность которых скрывает их исключительное значение в историческом смысле.

Есть основания полагать, что многие качества биполярного мира интегрировались в миропорядок начала XXI века, даже получили развитие и оказались дополнены новым содержанием. Сегодня многие исследователи сходятся во мнении о том, что особенности современной модели миропорядка (прежде всего, неоспоримая мощь и доминирование США) обусловлены как раз тем, как происходила и как завершилась «холодная война». Не случайно в современной работе о «макроструктурных изменениях в системе мировой политики до 2030 года» А.А. Кокошин и А.Н. Панов целую главу посвящают оценке 1990-х годов как периода, в течение которого на месте рухнувшей биполярной системы США пытались создать однополярный миропорядок [9, 65–79]. Сегодня большинство ученых полагает, что сохранение нынешнего положения дел имеет шансы стать по меньшей мере среднесрочной перспективой эволюции миропорядка. Есть, конечно, и иные точки зрения. Например, Чарлз Купчан считал, что современный «гиперактивизм» США на арене международных отношений хотя является и наследием «холодной войны», и продуктом неоспоримого преобладания США в мире, но в скором времени сойдет на нет [10, 80].

Если попробовать дать какую-то общую оценку существования «наследия биполярности» в современном мире, то речь можно вести, прежде всего, об особенностях структурной композиции миропорядка начала XXI века и о критериях его устойчивости (стабильности) как системной модели международных отношений. Исходная отправная точка нашего видения проблемы – убеждение в том, что новая («пост-биполярная» или определяемая как «порядок нового века») системная модель развивается на основе сложившейся к середине 1990-х годов структуры. Если применять предложенный А.Д. Богатуровым термин, то «плюралистически-однополярный» порядок, который стал формироваться после распада СССР, является хотя и глобальным, но далеким от завершенности, несовершенным [11, 12]. Добавим, что новый миропорядок содержит в себе более широкие, чем ранее, возможности нелинейного развития, что усложняет задачи даже самого общего прогнозирования.

Отсутствие единства мнений среди ученых относительно приемлемого для большинства названия современного миропорядка отражает не столько сложность новой конструкции, сколько ее непохожесть на все предшествовавшие. В этой связи вполне можно согласиться с А.В. Торкуновым в том, что «современный мир вступает в такой этап своего развития, когда существующие понятия и модели оказываются не способными описать и объяснить возникающую реальность» [12, 11]. Поэтому иное значение имеет и проблема применимости принципа выделения неких «полюсов» внутри системы. В целом подход с использованием терминов «полюс» и «центр мощи/силы» по-прежнему представляется оправданным. Однако, применение «полярного» подхода к определению структуры новой системы возможно, но вовсе

не обязательно как единственно верное и исчерпывающее. Сначала можно выразить солидарность с видными учеными (например, с А.В. Торкуновым и А.А. Кокошиным) в скептическом отношении к использованию термина «многополярность» в отношении современного мира. Не случайно и О.А. Арин (под псевдонимом Алекс Бэттлер) довольно метко выразился относительно важности терминов: если какая-то категория не продумана, написанное о ней «не имеет никакого отношения к науке, а представляет собой ни что иное, как политическую беллетристику» [13, 9]. «Многополярность» является как раз ключевым термином, уже ставшим, на наш взгляд, жертвой политической беллетристики.

Часто употребляемая и в различных теоретических построениях, и в современной международно-политической риторике «многополярность» подразумевает существование нескольких (не менее трех) «полюсов» или «центров силы» в лице отдельных великих держав или их группировок. Эти «полюсы» как предполагается, служат своего рода источниками генерирования своеобразной «военно-политико-экономической энергии» и, соответственно, «центрами притяжения» для менее мощных и значимых в мировой политике государств. Если «полюсов» в системе более двух, то это предполагает относительно самостоятельное развитие каждого из них и при этом, как считается, «полюсы» обладают высокой степенью свободы во взаимодействии друг с другом; Между тем спорность термина и самой концепции представления моделей миропорядка схематизацией «полярности» давно уже отмечена учеными. В частности, Э.Я. Баталов предлагает вообще отказаться от термина в пользу «моноцентрических» или «полицентрических» систем [14, 43–44]. Не случайно в последнем обобщающем издании «Современные международные отношения» ученые из МГИМО обозначают именно «полицентризм» как основу «новой международно-политической системы» [15, 51]. Впрочем, все чаще появляются и суждения о формировании «новой биполярности» в мире по линии противоборства США и КНР. Предложение «Фонда Карнеги» в ноябре 2021 г. открыть дискуссионный проект по данному сюжету в этом смысле весьма показательно [16, 1].

Не вдаваясь в детали идущих сегодня споров ни о способах макроструктурного моделирования этапов развития системы международных отношений, скажем так: обращение к «многополярности» в описании состояния системы международных отношений не является императивом, без него вполне можно обойтись. «Полярный» подход отбрасывать не стоит, но ясно, что его стоит дополнить обновлением трактовки довольно известных, но далеко не устаревших терминов и проблем. Первую позицию в рубрике таких проблем займет вопрос о соотношении мощи государств с принципами структурной организации системы международных отношений. Широко понимаемая как комплекс всех возможностей (и не тождественная понятию «сила») мощь определяет не только тип поведения государства, но и масштаб интересов и целей в отношениях со всеми иными элементами системы международных отношений. Колебания уровня накопленной мощи составляющих систему самостоятельных элементов создают внутри системы главный источник энергии для ее саморазвития, для смены системных моделей. Все системные модели пережили этап обретения известной устойчивости за счет достижения на какой-то период примерного равенства мощи основных элементов, то есть великих держав и их групп, в какой бы конфигурации не складывались их коалиции *ad hoc* или долгосрочные военно-политические объединения. На таком этапе почти всегда существовало стремление сильнейших к поддержанию «равновесия мощи» между ними. Наивысший уровень стабильности в системе соответствовал не только примерно равновеликой мощи сильнейших (их группировок), но и минимуму амплитуды колебаний вокруг этого «среднего значения». При этом объективное стремление сильнейших стран поддерживать равновесие способствовало тому, что подавлялись или регулировались (контролировались) конфликты, способные если не сломать сложившийся порядок, то хотя бы частично расшатать его, нарушив равновесие. В фазе устойчивого развития (стабилизации) каждая системная модель демонстрировала высокую способность обеспечить относительно мирное разрешение межгосударственных споров. Именно споров, не перераставших в масштабные конфликты с применением военной силы и с прямым вовлечением в них сильнейших держав. В то же время появление внутренних

флуктуаций в системе могли вести к нарушению «равновесия мощи» и, соответственно, создавать предпосылки для больших и малых войн. Это имело место тогда, когда складывались по меньшей мере два взаимосвязанных условия. Первое состояло в том, что на поверхность мировой политики выходили серьезные противоречия между великими державами, которые в концентрированном виде можно представить как стремление одной из них (самостоятельно или во главе группировки) занять «позицию №1» в неформальной международно-политической иерархии. Второе условие было таким: способом реализации этого стремления одна держава избирала как раз создание военно-политической группировки с целью нарушить «равновесие мощи» и разрешить противоречия силовым путем. Когда события развивались в таком ключе, некоторые великие державы могли целенаправленно использовать имеющиеся «конфликтные узлы» или даже создавать внутрисистемные флуктуации для изменения отношений порядка, нарушения равновесия и дальнейшего переустройства системной иерархии в свою пользу. Так было перед обеими мировыми войнами. В обоих случаях военно-политические блоки во главе с Германией «бросали вызов» не только другим великим державам, но и вообще всем отношениям порядка и равновесия в системе.

Иное дело – мир в первое десятилетие XXI века. Современная ситуация показывает, что в рамках новой системной модели может и вовсе не быть сформировавшихся и противостоящих «полусов» с противоположным (по определению) «зарядом» (вне зависимости от их количества, которое определяется, как известно, субъективно-умозрительно). При этом сама модель системы международных отношений вполне может демонстрировать известную степень устойчивости. Как это возможно и достижимо?

Устойчивость не тождественна полному равновесию в распределении мощи внутри системы. Устойчивость структуры и, соответственно, самой системной модели не обязательно оценивать только через отношения внутреннего «равновесия мощи». Главный вопрос в подходе к проблеме устойчивости состоит в выборе основного критерия оценки. На наш взгляд, содержание современной модели системы международных отношений можно представить и определить как олигополию в исполнении основных системных функций. При этом главный критерий устойчивости системной модели при таком подходе – очевидное на обозримое будущее отсутствие перспективы «большой войны», содержанием которой может стать прямое силовое противостояние двух и более великих держав.

Сначала кратко объясним наше понимание главных терминов (следует признать – далеко не однозначных). Великими державами в разное время были различные государства. Сегодня точек зрения на параметры статуса великой державы немногим меньше, чем ученых и публицистов-международников. Джон Миэршаймер, например, считает, что в современном мире «настоящих» великих держав три. Это США, КНР и Россия. Критерий Миэршаймера весьма простой и по-своему любопытный. Главное качество, позволяющее относить государство в категорию «великая держава», это ее способность выстоять в случае прямого вооруженного противостояния с явным гегемоном глобального масштаба. Любая великая держава «должна иметь достаточные военные ресурсы для того, чтобы вести полномасштабную войну с применением обычных видов вооружений против наиболее мощного государства мира». При этом «кандидат в великие державы» должен располагать возможностью вести не просто конфликт, но «войну на истощение, которая приведет к серьезному ослаблению доминирующего государства даже в случае, если это государство в конце концов и победит» [17, 404]. Напротив, Барри Бьюзен и Оле Вэвер в работе «Регионы и державы» предлагают довольно сложный дефиниций: «великие державы отличает от держав региональных то, что на действия первых реагируют на основе общесистемных расчетов (system level calculations) и ... к великой державе относятся так, как будто она имеет явный экономический, военный и политический потенциал для того, чтобы претендовать на статус супердержавы в краткосрочной или среднесрочной перспективе» [1, 35]. Не вступая в спор, ограничимся собственным мнением. Кроме США, КНР и России даже по критериям Миэршаймера в число великих держав можно смело вносить Индию. Далее, двигаясь от жестких и упрощенных военно-стратегических постановок в сторону здравого смысла, следует «включить в реестр» Германию, Великобританию и Японию.

Тогда общее количество членов «клуба великих держав» в современном мире – семь. Статус великой державы для каждой из этих семи стран, на наш взгляд, значительно легче констатировать, чем оспорить. Таким образом, великие державы современности – это те государства, которые в силу уровня своей совокупной мощи занимают особое положение в мире (по отношению к двум сотням иных государств) и, в силу этого, могут играть в мировой политике особую самостоятельную роль. Эта самостоятельная роль неформально «закреплена» за такими странами даже вне зависимости от степени их участия в международных военно-политических и иных объединениях. Существование великих держав создает неформальную международно-политическую иерархию и определяет качества ее нижестоящих уровней («региональный гегемон» и иные). Конечно, предлагаемый дефиниций (как и все другие) можно оспаривать или дополнять.

Олигополия. Это термин – не синоним «олигархии» или «полиархии». «Олигархию» обычно понимают как «власть немногих». Содержание «полиархии» раскрывается через объяснение одновременного и взаимозависимого существования нескольких «центров управления», которые осуществляют «почти власть», то есть демонстрируют исключительно высокую степень контроля над миром в целом, его ключевыми регионами и общемировыми процессами. Если так, то биполярная системная модель – либо «минималистическая полиархия» с двумя главными управляющими субъектами, либо почти полувековая «дуополия» США и СССР. В приложении к современному миру не «олигархия», а именно «олигополия» представляется более приемлемым термином. Ясно, что в системе международных отношений никакой верховной власти, принадлежащей одной державе, немногим государствам или эквивалентной международной структуре в условиях формального «равенства суверенитетов» государств нет и быть не может. Нет и перспективы создания «мирового правительства», способного осуществлять централизованное управление миром, эту самую «власть». «Олигополия» в этом смысле не только не тождественна «олигархии», но и не подразумевает осуществления власти как таковой вообще. П. Виотти и М. Кауппи дают интерпретацию олигополии как существования «рынка, в котором несколько фирм контролируют производство (или распределение) некоторых товаров и услуг [18, 489]. Р. Гилпин также предлагает «экономическую» трактовку олигополии как «несовершенного рынка», в котором немногие наиболее мощные субъекты оказывают решающее воздействие на исход рыночной конкуренции, и олигополия делает возможным получение сверхприбылей [19, 215]. К. Уолтц в ставшей классикой «Теории международной политики» использовал термин «олигополия» применительно и к состоянию секторов рыночной экономики, и к системе международных отношений. Для него олигополия означала установление несколькими субъектами политики высокой степени воздействия на общемировое положение дел, но при этом «рыночное» толкование олигополии предполагает, что степень воздействия наиболее мощных субъектов на рынок и рынка на них самих – не является строго детерминированной [20, 54].

Современную олигополию как преобладание нескольких держав следует понимать не абстрактно и обобщенно («в мире», «в мировых делах»), а весьма конкретно: преимущественно в исполнении основных системных функций в сфере международных/межгосударственных отношений. Под главными функциями можно понимать сохранение системы как целостности и ее относительно безопасное саморазвитие именно в этом качестве (цельности-системы). Как считают некоторые специалисты по теории систем, среди ключевых условий, определяющих само существование какой-либо системы, можно выделить «кооперативное управление хотя бы одним общим ресурсом». Ресурс этот как «средство поддержания единства некоторой общности либо непосредственно является источником жизнеобеспечения ее, либо опосредованно, определяя только условия существования» [21, 194]. В отношении системы международных отношений эту проблему можно поставить так: ее общий ресурс есть относительная безопасность основных элементов и сохранение их возможностей для развития. Основными элементами в данном контексте следует считать суверенные государства и межгосударственные структуры, ими созданные. При этом не будет лишним подчеркнуть, что императивным общесистемным интересом выступает обеспечение безопасности и возможностей развития отнюдь не всех государств, а

именно основных, ключевых элементов – то есть, прежде всего, тех, которые изначально участвуют в создании данной модели системы и заинтересованы в ее долгосрочном существовании в нужном им виде. По этому поводу К. Уолтц заметил более сорока лет назад: «Управляют системой те главные субъекты, которые ее конституируют» [20, 199]. Очевидно, что изначально творцы и менеджеры современной олигополистической системной модели – это члены группировки США-Европа-Япония. Именно для этой группировки в современном мире открыты более широкие – в сравнении с предшествовавшим биполярным миропорядком – возможности для поддержания долговременной собственной безопасности и условий для развития.

Относительно мирное складывание этой олигополистической модели было обусловлено тем, что биполярный мир как ушел в небытие совсем не так, как предшествовавшие структурные конструкции, то есть без череды «больших войн» между великими державами и без войны мирового масштаба. Биполярная модель разрушилась вследствие резкого ослабления и политического распада одной из ее несущих конструкций, Советского Союза и так называемого Восточного блока. Противостоявший Востоку «коллективный Запад» обрел новую мощь уже в силу самого исчезновения того, что могло рассматриваться как главная угроза его безопасности и поступательному развитию. Таким образом, международные отношения как система объективно получили в качестве результата распада биполярной структуры уже готовую предварительную конфигурацию олигополии наиболее развитых государств Запада и Японии. Союзные отношения внутри Запада, сложившиеся за полвека биполярности, в связи с исчезновением СССР, претерпели изменения, но не настолько сильные, чтобы привести к замене одной формы мирового противоборства другой. Крах СССР не вызвал никакого эффекта «разбегающихся галактик» внутри «евроамериканской цивилизации». Соперничество между Европой и США, между США и Японией, между Японией и Европой давно имело место. В конце 1970-х годов было уже признано существование по меньшей мере трех «центров силы» (США, Западная Европа и Япония) даже в рамках биполярности. Дальнейшее усиление США за счет аккумуляции мощи в годы относительно бескризисного развития (с середины 1980-х годов) превратило эту страну в «лидера среди лидеров». Это, однако, не создало особых препятствий для продолжения военно-политического сотрудничества в рамках «евроамериканской цивилизации». Сегодня нет сомнений в том, что «в современном мире США и Европа в целом выступают единым фронтом в отношении имеющихся и будущих вызовов и угроз» [22, 10]. Этот факт вовсе не устраняет противоречий в рамках западного сообщества. Доминирование не означает безальтернативный диктат США даже в случаях реализации общей для западных стран политики в отношении остального мира. Большой натяжкой было бы говорить и о единоличном лидерстве Америки в определении главных векторов политики западного мира. Ко всему прочему, как верно замечает, например, Джозеф Най, США просто не могут осуществлять объективно нужные Западу функции в системе в одиночку, как полностью независимый сверхмощный лидер [23]. Как верно замечал еще в 1996 г. Н.А. Косолапов, в феномене американского лидерства в мире после окончания «холодной войны» сочетаются «объективные, политические и идеологические» разновидности этого явления. Внутри сплоченной вокруг США группы государств можно установить «носителей» этих перечисленных ролей. При этом «с течением времени соотношение названных компонентов американского лидерства вероятнее всего будет... меняться» и «есть все основания ожидать существенного повышения веса и влияния идеологической составляющей, а тем самым нарастания тенденций своеобразного идеологического фундаментализма в поведении США в мире» [24, 112]. Сегодня США, действительно, выступают в качестве и объективного лидера, и идейного вдохновителя общей политики группировки-доминанта. Внутри этой группировки сосуществуют отношения соперничества и сотрудничества, противоположные тенденции к авторитарному руководству и к «эгалитарной децентрализации». Это означает, что крупные союзники США по НАТО временами могут вести себя относительно свободно в выборе, например, между участием или неучастием в военных акциях, в формировании политики в отношении России или в иных важных вопросах. Однако эта относительная независимость от США не меняет принципиальной основы «трансатлантического партнерства». Лamentации о возможной перспективе утраты Европой и США качеств единой политической силы в мире имели место всегда и, как всегда, они были и есть преувеличение [26]. Несмотря на некоторое изменение своей роли,

НАТО как основная военно-политическая структура «евроамериканской цивилизации» продолжает расширяться. Как отмечают сегодня исследователи, принятая в начале 1990-х годов новая концепция развития НАТО свидетельствует о том, что «альянс намерен сконцентрироваться на проблемах европейской безопасности и выйти за пределы прежней зоны своей ответственности». При этом уже в 1990-е годы «сочетание преемственности и изменчивости позволило стабилизировать характер внутриблоковых отношений и давало время для их адаптации к новым реалиям международной жизни» [26, 107].

В этой связи необходимо подчеркнуть: дело не только в расширении НАТО и в изменениях функций этого союза в будущем. Главное в том, что в отличие от всех предшествующих моделей миропорядка достигнуто принципиальное «стратегическое единство» большинства в «клубе великих держав». Единство это, вероятно, среднесрочное, на перспективу в 15–20 лет, а, возможно, и более. Это означает, что США, две великие державы Европы (Германия и Великобритания), Япония, Франция и близкие к ней по статусу Италия и Канада в международно-политических взаимодействиях будут выступать как относительно единая группировка. Главные, принципиальные интересы участников этой группировки не идентичны, но в глобальном масштабе они близки настолько, что единство создает основу для олигополии как формы структурно-функциональной организации современного мира. Эту группировку не стоит считать навсегда спянным международно-политическим «полюсом» в традиционном понимании этого слова, однако чертами «центра мощи» и «центра притяжения» иных государств она, безусловно, обладает. Очень важно в понимании природы этого «полюса» то, что данная группировка сцементирована взаимными и формализованными военно-политическими обязательствами. Соответственно, внутренние различия между участниками группы-доминанта не содержат потенциала для возникновения военного конфликта и в этом смысле не могут выступать системоразрушающим фактором.

Иными словами, на обозримую перспективу нет причин для нарастания и обострения таких фундаментальных противоречий между основными великими державами Запада и Японией, которые требовали бы только силового разрешения. Если эту схему максимально упростить, то главное состоит в том, что возможность войны между Великобританией, Германией, США и Японией в первой половине XXI века полностью исключена. Это и есть едва ли не самая важная черта современного миропорядка, которая принципиально отличает его от иных известных системных моделей. Это и есть историческая особенность пост-биполярного мира.

В этом же контексте стоит сказать и о том, что в начале XXI века исключена возможность войны между этой группировкой и любой иной великой державой или их потенциальным объединением. В обоих случаях война разумеется не как локальный, краткосрочный конфликт из-за противоречия вторичных интересов, а открытое, силовое и полномасштабное противостояние в традиционном смысле – с объявлением войны и соответствующими международно-правовыми последствиями, с привлечением всех ресурсов общества и государства для ведения войны. Такая война теоретически может возникнуть только в силу внесистемных или случайных причин. Очевидно, что сегодня вероятность такого развития событий близка к нулю. Разными способами и с различной степенью успеха, но все современные великие державы обеспечивают свои основные интересы без прямого силового противостояния друг с другом.

Существование единства в рамках рассматриваемой группировки сильнейших и олигополия как организационная структура миропорядка – не одно и то же. Однако, именно единство принципиальных интересов, то есть необходимость обеспечения безопасности именно как «коллектива», создает основу для формирования и поддержания олигополии как наиболее выгодного для группы самых мощных государств способа выживания и развития. Существование олигополии предполагает сохранение разрыва между группировкой наиболее мощных сегодня государств и потенциально любой иной группой. Таким образом, еще одно функциональное измерение олигополии как версии миропорядка состоит в исключении ситуации равновеликости мощи между группой лидеров и любой иной силой, а, следовательно, возможного обострения соперничества между ними на этой основе. Примерно равновеликая мощь, как известно, создала фундамент для начала соперничества СССР и США сразу после Второй Мировой

войны. Сохранение примерной равновеликости между этими «дуополистами» одновременно с постоянно значительным разрывом между уровнем их мощи и уровнем, достигнутым любыми иными силами в мире, оказалось и стратегически выгодным для обеих сверхдержав. Это был один из важнейших уроков длительного существования биполярной модели международных отношений. Этот аспект отношений сильнейших государств с остальным миром есть важная часть содержания «холодной войны» и вполне может считаться «наследием» биполярности, которое интегрировалось в современный мир в новой форме.

Олигополия как форма доминирования в мире не означает деления мира на противостоящие или готовые к прямому силовому противостоянию «центры мощи» (или «силы» в военно-стратегическом смысле). Речь стоит вести только о том, что «евроамериканская цивилизация» плюс Япония как единая группировка не противопоставляется остальному миру, а отграничена от него, прежде всего, в силу разрыва в уровнях совокупной мощи. В этом отношении можно сказать, что правы те исследователи, которые в том или ином виде ставят проблему сосуществования «Запада» и «не-Запада» (всего остального мира) и предлагают концепции восприятия современных международных отношений, например, как состояние «равноположенности развития» [27, 140].

Если для описания состояния системы использовать образ-метафору сферы, то можно сказать, что в мире взаимодействует плотное «ядро» и многослойная «оболочка». Следует особо подчеркнуть, что предлагаемый образ не является вариантом довольно известного концепта международных отношений по линии «центр-периферия». Для понимания современного мира деление на «развитый, лидирующий центр» и отсталую, зависимую периферию просто неуместно. Географический аспект отдаления «периферии» от европейского «центра» имел смысл в эпоху колониальных империй. При сегодняшнем уровне развития мирохозяйственных связей и транспорта, в силу скорости информационных потоков географическая удаленность элементов системы не играет значительной роли. Вопрос о разнице в уровне цивилизационного развития также выглядит совсем иначе. К тому же в отграниченный от группировки-доминанта мир мы можем включить три великие державы (Китай, Индия, Россия), несколько динамично развивающихся «региональных гегемонов» и вообще отбросить рассуждения о таком качестве «периферии» как недостаточный уровень развития (в социально-экономическом и военно-политическом смысле). Важно то, что при представлении образа системы как квази-сферы можно выделять ее ядро, которое следует считать неперменным системным компонентом. Ядро «возникает с неизбежностью при развитии системы и является результатом дифференциации и иерархизации... когда составляющие систему элементы поляризуются, разделяются на противоположности по функциям» [28, 395]. В рамках такого подхода указывается на дополнительное качество системных ядер. «Ядро-катализатор обладает одновременно... гибкостью, лабильностью чтобы подстраиваться к различным элементам, т.е. вступать с ними во взаимодействие, и, с другой стороны, устойчивостью, чтобы сохранить эту гибкость и быть способным ее развивать» [28, 398]. Конечно, мы не допускаем и мысли о механическом перенесении на сложную плоть международных отношений всего, что известно о закономерностях физико-химических процессов. Однако применение такой терминологии для описания макроструктурных проблем международных отношений вполне уместно. Рассматриваемая нами группировка-доминант и есть сложно-составное ядро системы в ее нынешнем состоянии. Более того, именно наличие такого ядра и определило главные характеристики системной модели в начальный период ее складывания. До рубежа 1990-х годов сложносоставным ядром системы была конфликтная пара СССР-США. Она обрела качества ядра («ядра-катализатора») на завершающем этапе Второй мировой войны и, по мере укрепления в своем функциональном назначении – как структурной основы системы и именно катализатора основных процессов. Именно конфликтная пара СССР-США задавала основные параметры системной модели, получившей название биполярной. Современная группировка «олигополистов» в известном смысле «законный наследник» старого ядра системы. Точнее говоря, группировка-доминант сегодня – это заметно усилившаяся «половинка» старого ядра. Она обладает многими новыми количественными и качественными чертами, но объективно сохраняет главное, а именно способность осуществлять основные системные функции.

Естественно, она осуществляет эти функции, прежде всего, в интересах государств, сформировавших это обновленное ядро. Интересам группировки сильнейших (США-Европа-Япония) в наибольшей степени соответствует именно олигополия, а не складывание «новой биполярности» или многополярности (полицентричности) мира. Обе эти (альтернативные по отношению к олигополии) версии развития предполагают заметно более высокий уровень противоречий, конфликтности в мире, а для непосредственных участников острого соперничества означают увеличение прямых расходов. Любая «многополярность» сократит для группы лидеров круг возможностей по установлению контроля над регионами, группами государств и отдельными странами. Этот аспект интересов группировки-доминанта особенно важен, если речь идет о потенциальном формировании противостоящих «евроамериканской цивилизации» центров мощи и влияния, появления тенденции к «притяжению» какого-то количества государств к одному или нескольким региональным лидерам. Сильнейшие державы сегодня заинтересованы в сохранении уже определенной структурной модели. Стало быть, они заинтересованы и в установлении каких-то рамок, очерчивающих возможное поле внутрисистемных флуктуаций, которые могут придать системе в целом неравновесное состояние и привести к преобладанию системоразрушающих факторов над действием факторов системосохраняющих, а в итоге к трансформации олигополии в какую-то иную структуру. Общий уровень конфликтности может быть важной причиной, вызывающей внутрисистемные колебания. Установление рамок конфликтности в мире предполагает соответствующие целенаправленные действия группировки-доминанта в отношении всего остального мира. В этом смысле даже инициация конфликта – создание ситуации, пусть и частично искусственной, которая бы давала возможность осуществить функцию общесистемного регулирования, оказывается допустимой.

В целом можно говорить и о том, что в условиях олигополии лидирующая группировка находится в долгосрочно благоприятном положении. В современном мире, ограниченном от группировки США-Европа-Япония, нет ни причин, ни предпосылок для складывания сравнимого потенциала совокупной мощи какого-либо объединения иных, не принадлежащих к «евроамериканской цивилизации», государств. Соответственно, нет и тенденции к формированию силы (комплекса сил) который мог бы бросить вызов существующему миропорядку в форме прямого и открытого противоборства с группировкой «олигополистов». Не удивительно, что З. Бжезинский, на рубеже веков предполагал, что доминирование Америки вряд ли может оспариваться в течение ближайших 30 лет. Примерно такой же срок для безусловной гегемонии США отводил А.И. Уткин [29, 588].

В общем итоге стоит сделать замечание относительно сохранения наследия биполярности в контексте прогнозов развития мироустройства. Речь идет о том, что, судя по всему, в обозримом будущем военная мощь Америки сохранит свое особое значение как фактор сплочения группировки «олигополистов», а для «потребителей безопасности» из числа, например, новых членов ЕС, окажется еще более привлекательной. Можно предполагать и рост числа новых военно-политических союзников США за пределами Европы. Ситуация с проектом обновления американско-британско-австралийского альянса в Тихом океане в 2021 году – лучшее тому подтверждение.

Второй важный фактор – это возможности Америки осуществлять прямое и косвенное, силовое и несиловое противодействие возвышению других стран (как своих потенциальных оппонентов мирового масштаба). Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и возможность разветвления «взрывных процессов» в системе международных отношений [28, 50] и действие «фактора случайного события».

Иначе говоря, современное положение дел и доминирование группировки США-Европа-Япония вовсе не означает, что система международных отношений (как целостность) со всей очевидностью стремится и обязательно придет к еще более высокому уровню стабильности и будет по-прежнему давать международно-политические «сверхприбыли» участникам группировки-доминанта. Стабильность, видимо, сохранится только в самом главном, а именно в долгосрочном отсутствии риска «большой войны» с вовлечением великих держав. Впрочем, Кен-

нет Уолтц полагал, что мировая политика начала XXI века по своему содержанию весьма традиционна и подвергается воздействию трех основных и опасных (подчеркнем - вполне известных) сил. Это, считал Уолтц, как раз отсутствие «равновесия мощи» в системе (*imbalance of power*), наличие ядерного оружия и перспективы его распространения, а также «преобладание кризисов, которые бичуют весь мир и в которые прямо или косвенно вовлечены Соединенные Штаты Америки» [30, 348]. Будет ли структура миропорядка через 20 лет определена формулой «0+х» великих держав (то есть любого их количества, без очевидной супердержавы), как прогнозируют Б. Бьюзен и О. Вэвер [1, 446]? Вероятность такой эволюции не исключена. Количество великих держав есть важнейшая характеристика состояния системы. Однако, еще более важен вопрос о том, каковы будут основные виды взаимодействия между ними или между ними и остальным миром.

Библиография

1. Buzan, Barry and Waever, Ole. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 2003. 564 p.
2. Неклесса, Александр. *Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей/ Pro et Contra*. Т.7. Осень 2002
3. Harvey, Robert. *Global Disorder. How to Avoid a Fourth World War*. L., Robinson, 2003. 477 p.
4. Cooper, Robert. *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century*. L., Atlantic Books, 2004. 196 p.
5. Лурье, С. *От войны провокаций к панполярному миру. Геополитические игры народов/ Политический класс*. №47. ноябрь 2008.
6. Ли, Вл. Ф. *Теория международного прогнозирования*. М., Научная книга, 2002. 287 с.
7. *Российские стратегические исследования. Ежегодник / Под ред. Л.Л. Фитуни*. М., Логос, 2002. 192 с.
8. Брутенц К.Н. *Великая геополитическая революция*. М., Международные отношения, 2014. 682 с.
9. Кокошин А.А. Панов В.Н. *Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года*. М., КРАСАНД, 2015. 336 с.
10. Kupchan, Charles A. *Hollow Hegemony or Stable Multipolarity?//America Unrivaled/ The Future of the Balance of Power/ Edited by G. John Ikenberry*. Ithaca; L., Cornell University Press, 2002. 336 p.
11. Богатуров А.Д. *Введение. Смена порядков в международной системе. 1945-2003// Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003/ Под редакцией А.Д. Богатурова. Том третий. События 1945-2003*. М., НОФМО, 2003. 720 с.
12. Торкунов, А.В. *От «холодной войны к «коалиции победы»*. Новая философия внешней политики России / *Космополис*. №4(10) Зима 2004/2005.
13. Бэттлер, Алекс, *Диалектика силы*. Онтобия М., Эдиториал-УРСС, 2005 320 с.
14. Баталов Э.Я. *О философии международных отношений*. М., НОФМО, 2005. 132 с.
15. *Современные международные отношения. Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина*. М., Изд-во Аспект-Пресс, 2016 688 с.
16. Тренин Д. *Влияние американо-китайского соперничества на отношения между Россией и Китаем [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.info@carnegie.ru> (дата обращения 03.11. 2021).
17. Mearscheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.;L., W.W.Norton, 2001. 555 p.
18. Viotti, Paul R., Kauppi, Mark V. *International Relations Theory. Realism, Pluralism, Globalism and Beyond*. Third Edition. Boston; L; Toronto, Allyn and Bacon, 1999. 509 p.
19. Gilpin, Robert. *The Political Economy of International Relations*. Princeton (N.J.), Princeton University Press, 1987. 449 p.
20. Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. First Edition. Boston (Massachusetts); N.Y., McGraw –Hill, 1979. 251 p.

21. Моросанов И.В. Первый и второй законы теории систем/ Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1992-1994. - М., Эдиториал-УРСС, 1996. 234 с.
22. Россия и глобализация: международные аспекты/ Отв. ред. М.Г. Носов; Секция международных отношений Отделения обществ. наук РАН. М., Наука, 2006. 288 с.
23. Nye, Josef S., Jr. The Paradox of American Power. Why the World's Only superpower Can't Go it Alone.-Oxford (UK); N.Y. Oxford University Press, 2002. 222 p.
24. Косолапов Н.А. Лидерство и роли субъектов в мировой политике/ США и внешний мир. Материалы IV научной конференции изучения США 3-4 апреля 1996 г. М., Издательство МГУ.1997 252 с.
25. Ван Хам, Петер. Европа и трансатлантические отношения: туманное будущее/ Единство Запада и трансатлантическая безопасность – перед лицом испытаний. Публикация №4 Центра им.Маршалла. М., Центр им. Маршалла. (июнь 2002) 73 с.
26. Маныкин А.С., Пилько А.В. Солидарность добровольная и вынужденная в исторической ретроспективе НАТО/ Международные процессы. Том 2. №2(8)/ Май-август 2005.
27. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., НОФМО, 2002. 384 с.
28. Поддубный Н.В. Ядро системы: онтологический статус и гносеологическое значение понятия/ Системный подход в современной науке (к 100-летию Людвиг фон Бергаланфи). М., Прогресс-Традиция, 2004. 437 с.
29. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М., Эксмо-Алгоритм, 2006. 640 с
30. Waltz, Kenneth. The Continuity of International Politics// Worlds in Collision. Terror and the Future of Global Order/ Edited by Ken Booth and Tim Dunne. Basingstoke (UK);N.Y., PALGRAVE-Macmillan, 2002. 376 p.

LEGACY OF BIPOLARITY IN MACROSTRUCTURE OF CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.25629/HC.2021.11.03

Setov R.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. One of the most important questions, which has been at the center of academic and political controversy for more than 20 years, is to determine the nature of the modern model of the system of international relations and give it a more or less recognized definition in terms of structural organization. What is this - "multipolarity", "hegemonic stability" or something else? The other side of the same problem is to determine how strong this already established model is, or, on the contrary, in the near future it may turn out to be unbalanced and unstable. Some of the features of the modern world order are perceived today as almost natural characteristics of the state of affairs in the world. The unusual qualities of the system of international relations in the historical sense have somehow receded into the background in modern international political discussions. Meanwhile, it is relevant enough and interesting to consider the world order at the beginning of the 21st century and possible ways of its transformation in comparison with other systems. The relationship between innovation and continuity in this world order can be assessed by comparing it with the structure and essence of the previous systemic model. Against this historical background, the complex of questions about the place of our country in the dynamic world of the new century will also look more distinct. In this regard, it is appropriate to pose the problem of oligopoly as a structure of a systemic model.

Key words: international relations, system, structure, stability, model, oligopoly, functional nucleus.